

ВЕРБАЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
КАК ОБЪЕКТЫ МЕТАЯЗЫКОВОЙ
РЕФЛЕКСИИ В СОВРЕМЕННОЙ
УКРАИНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Аннотация. Проанализированы типы и функции метаязыковых комментариев, направленных на язык политики и политическую речь, в текстах современных украинских публицистов. Показана роль таких комментариев в преодолении манипулятивности, неопределенности, фантомности политического дискурса, а также в создании оценки, иронии и в авторском дискурсивном позиционировании.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия; метатекст; язык публицистики; pragmatika; коннотация.

Сведения об авторе: Трифонов Роман Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языка.

Место работы: Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина (Украина).

Контактная информация: 61096, Украина, Харьков, пл. Свободы, 4.
e-mail: movoromano@yahoo.com.

VERBAL ELEMENTS OF POLITICAL
DISCOURSE AS OBJECTS OF METALINGUAL
REFLECTION IN CONTEMPORARY
UKRAINIAN PUBLICISTICS

Abstract. The paper analyzes types and functions of metalingual comments on the language of politics and political speech in the texts of contemporary Ukrainian publicists. The role of such comments is shown in overcoming manipulativity, vagueness, phantomness of political discourse, and in creation of evaluation and irony as well as author's discourse positioning.

Key words: metalingual reflection; metatext; publicistic language; pragmatics; connotation.

About the author: Tryfonov Roman Anatolievich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Ukrainian Language.

Place of employment: V. N. Karazin Kharkiv State University (Ukraine).

Особый характер политического языка, специфические, часто манипулятивные черты политического дискурса являются теми факторами, которые обуславливают повышенное внимание носителей языка к вербальной стороне политической жизни. Такое внимание находит отражение в метаязыковых высказываниях, метаязыковой рефлексии. В контексте общей метаязыковой проблематики, активно разрабатываемой сегодня рядом исследователей (И. Вепрева, Н. Голев, В. Кашкин, Л. Ким, Д. Полиниченко, В. Черняк, М. Шумарина и др.), важным становится вопрос о месте и роли данного явления в политическом дискурсе.

Характерно, что в широкой картине метаязыковой рефлексии в постсоветскую эпоху [Вепрева 2005] именно изменения в политической и социальной жизни показаны как фактор, определяющий характер и функции рассматриваемого феномена. Политически ориентированные метаязыковые рефлексивы в материале монографии И. Вепревой составляют весьма значительную часть; в целом проанализированный материал дал исследовательнице основания утверждать: «Метаязыковая деятельность позволяет выявить социально-ценностные ориентации носителя языка, их мировоззренческую неоднородность» [Вепрева 2005: 98]. В рамках общего изучения политического дискурса

отдельную работу посвятила рефлексивам в политической коммуникации Е. Шейгал. В ее статье [Шейгал 2002] внимание акцентировано на специфической для данного типа дискурса функции метаязыковых высказываний — снижении или снятии информационной энтропии, что понимается как «коррекция сообщения в сторону уточнения, приближения к истине». Автор рассматривает гадательность (смысловую неопределенность) как содержательную категорию политического дискурса, обусловленную тем, что «адресант стремится в своих интересах манипулировать языковым сознанием адресата и совершает „зашифровывающие“ действия, а адресат вынужден проводить толковательную и прогностическую деятельность вследствие манипулятивных действий адресанта»; в ряду средств, служащих для «снятия тайны», и названы метаязыковые рефлексивы.

Иной аспект политической и околополитической коммуникации, также выходящий на метауровень и важный для понимания рассматриваемой проблемы, раскрыт в работе Э. Лассан [Лассан 2005]. Исследовательница обращает внимание на средства изображения речи власти в массмедиа («мы судим о политиках не только по тому, как они говорят <...>, мы судим о них по тому, как о них говорят те, кто по долгу профессии

передает нам то, что и как они говорят») и, в частности, демонстрирует роль метатекстовых глаголов, сопровождающих передачу речевых актов.

Н. Голев рассматривает метаязыковые суждения об элементах политического дискурса в контексте проблематики широкой отрасли знания — обыденной лингвополитологии. В программной статье, задающей аспекты исследований в данном направлении, автор проецирует на политику широкое понятие «обыденная металингвистика», отмечая: «Метаязыковые рефлексии весьма типичны в контексте обсуждения политических вопросов. Они нередко возникают в дискуссиях рядовых носителей языка при необходимости уточнения смысла политических терминов или тезисов. Характерны рефлексии участников различных политических форумов по поводу языка первоисточника, культуры речи оппонентов, суждения о языке вообще и своем индивидуальном языке в частности, оценка качества перевода, углубление в этимологию терминов» [Голев 2011]. Как видим, при детализации феномена он разветвляется на довольно различные явления, каждое из которых по-своему характеризует дискурс и картину мира языкового сообщества. Столь же разнообразны и функции метаязыковых высказываний в обыденно-политическом дискурсе, что показано в одной из новых статей Н. Голева: «Помимо информативно-аргументативной функции (состоит в уточнении смысла, комментировании и т. п. <...>), они выполняют функцию суггестивную (манипулятивную, в том числе через софистический дискурс, игровую, в том числе фатическую, художественную)» [Голев 2013: 31]. Структура приведенной цитаты и материал самой статьи показывают, что названные функции часто переплетаются, выступают в комплексе, т. е. метаязыковые политические высказывания имеют сложную природу и требуют внимательного изучения.

Считая приведенные мнения исследователей концептуально важными в теоретическом аспекте, рассмотрим, как функционируют метаязыковые высказывания о языке политики в современном украинском дискурсе. Объектом нашего рассмотрения являются тексты трех авторов, известных публицистов и писателей [Антипович 2012; Бойченко 2011; Пиркало 2007], и принадлежат данные произведения к дискурсу скорее окополитическому, но в общем массиве метаязыковых комментариев мы выделили те, которые направлены именно на язык политики.

Прежде всего следует отметить, что метаязыковые комментарии могут относиться

к лексике, в том числе собственно политической: *У так званому українському медіа-просторі час від часу з'являються роздуми так званих українських політологів* на тему, чи має *так званий український президент* можливості зробити щось добре для України [Бойченко 2011: 191]. Троекратный повтор метаязыкового маркера имеет ярко выраженную прагматическую направленность — служит созданию общего впечатления несерьезности политики в ее существующем виде и конструирует дискурсивный образ автора-скептика. Итак, один из приемов вербализации критической, иронической позиции на метаязыковом уровне — маркирование номинации как неистинной или по крайней мере сомнительной. Другой прием, имеющий схожую прагматическую направленность, — игровое «переназывание»: *Називаючи реальних власників товариства з обмеженою відповідальністю „Україна“ олігархами, ми тим самим програмуємо їхню поведінку. Олігархія, підказують словники, дбає виключно про власні інтереси <...>. То що нам язик би відсох, якби ми якогось Ахметова почали офіційно називати, наприклад, донецьким ханом або халіфом важкої промисловості? А він би на радощах трохи і про нас задбав...* [Там же: 142]. Выбор альтернативных номинаций, конечно, имеет своей целью аттракцию неуместного, что иным способом выражает то же, что и рассмотренный выше прием употребления маркера *так званий*, — непрямое, но легко прочитываемое отчуждение.

Как видим, метаязыковые средства, характеризующие единицы политической лексики (президент, олігарх), служат для передачи авторского отношения к реалиям политической жизни, в частности к самим политикам и тем, кто на политику влияет. Так происходит в тех случаях, когда сопровождаемые комментарием лексемы имеют достаточно конкретную семантику. Вместе с тем окополитическая метаязыковая рефлексия разворачивается по-иному, когда она направлена на лексику высокой степени абстрактности, широко употребляемую в дискурсе политиков. Пристальное внимание рефлексирующего публициста фиксирует у слов коннотативный компонент, свидетельствующий о серьезных процессах в картине мира всего социума. Ярким примером такого типа рефлексии является текст Тараса Антиповича о глубоком ценностном кризисе общества: *Звідси — і абсцес мови, що перестала бути точкою опори мислячого суб'єкта. Ми отруєні її болотними випарами, її трупними токсинами. Слово „патріот“ викликає сарказм, слово „духовність“ —*

блювотний рефлекс. „Цивілізовані правила гри“, „європейські цінності“, „відповідальність“, „єдність“, „справедливість“ — лексичний мотлох, зужитий сотнями програм і декларацій, які ніхто ніколи не збирався виконувати. Усе це ми вимовляємо, спльовуючи крізь зуби або додаючи „мля“. Цінності, мля. Не розумію, як у цій країні можна писати публіцистику. Як тут можна писати взагалі? Не уявляю, як я ступив докути ці кілька абзаців [Антипович 2012]. Речь уже ідет не о восприятии конкретных политиков или политических сил — автор затрагивает те изменения, которые приносит в общеязыковую картину мира манипулятивность политического дискурса, тот факт, что в нем «происходит модификация семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий» [Шейгал 2004: 5—6], — и найти такая модификация способна очень далеко. Доминантной чертой цитируемого фрагмента публицистической статьи, помимо рефлексивности, является высокая эмоциональность, воплощенная в лексико-фраземных средствах с физиологической семантикой: *трупні токсини, блювотний рефлекс, спльовувати крізь зуби*, — что усиливает ощущение угрозы, переводит ее с мыслительного на телесный уровень и тем создает крайне экспрессивный образ опасности не только для психологии, но и для физического существования организма.

Естественно, что ощущаемое автором разрушение картины мира, в частности языковой, ее крах (слово из заголовка статьи, повторяемое и в тексте) приводит к необходимости осмысливать и собственную речь, даже если она направлена на преодоление распада и восстановление разрушенного: *...ми повинні давати одне одному більше приводів для віри... ну добре, якщо без пафосу — для елементарної взаємної довіри. Вичавити з себе троля. Не розтринькувати рештки свободи на різноманітні міжусобні „срачі“* [Антипович 2012]. Пафос в данном случае (как и в целом в значительном сегменте постсоветской языковой реальности) является дискурсивной характеристикой, которую говорящий маркирует отстраненно-скептически, дабы избежать коммуникативной неудачи, — и в то же время автор не отказывается от пафосного слова (ведь в письменном тексте его можно было бы просто не употреблять и соответственно не иметь необходимости в метаязыковом комментарии), так как не хочет снижать концептуальное содержание высказывания.

Комментарий автора к собственной речи направлен на оптимизацию коммуникативного взаимодействия с читателем. Однако

в первую очередь метауровень высказывания представлен в публицистических текстах на политические темы комментариями к высказываниям политиков. Поскольку такие метатексты весьма распространены, покажем некоторые их типы и применяемые в них средства на примере публицистики одного автора — Александра Бойченко.

Метавысказывания о политической речи могут иметь общий характер, т. е. касаться совокупности речевых актов политиков как стереотипизированной ментальной модели. Для критически настроенного публициста в основе этой модели — коммуникативная неудовлетворительность оцениваемой речи: *Мені навіть цікаво: що взагалі розуміють європейці, коли слухають голоєніх українських політиків у перекладі? Я цих політиків слухаю мовою оригіналу — і не розумію нічого* [Бойченко 2011: 212]. Чаще, однако, метатекст направлен на конкретные языковые единицы либо речевые фрагменты.

Весьма критическому комментированию подвергаются штампы и клише политического дискурса. Рассмотрим восприятие двух из них, взятых из речи одной и той же личности — бывшего в то время президентом Украины Виктора Ющенко, — но отличающихся как по своей природе, так и по метаязыковой реакции публициста.

1. *Ціле щастя, що через складну зовнішність — та внутрішньополітичну ситуацію гарант (президент — Р. Т.) з'явився ненадовго: обізвав у своєму млявоплинному стилі Чернівці „унікальною перлиною в короні України“, роздав нагороди і помандрував далі...* [Там же: 137].

Объектом иронического комментария оказался перифраз, экспрессивность которого давно уже стерта вследствие стандартности употребления словесного образа. В то же время комментарий не слишком акцентирован, имеет попутный характер; попытка президента сделать комплимент городу коммуникативно вполне понятна, а стилистически воспринимается автором в контексте общей невыразительности речи политика.

2. *От уже чого не відбереш у нашого президента, то це вміння знаходити для кожного життєвого явища точну словесну формулу. <...> Ввечері вмикаю телевізор — президента показують. „Село, — каже президент, — сьогодні переживає великий ренесанс“. Вдаються ж іноді людям такі фрази, що хоч бери — і золотими літерами на граніті викладай* [Там же: 102].

Президент как говорящий субъект снова вызывает у публициста ироническое отношение, но градус этой иронии на порядок выше. Об этом свидетельствует не только

ироническая гиперболичность ближайшего метатекста в постпозиции, но и то, что, в отличие от предыдущего случая, метатекстом по существу является вся статья объемом шесть книжных страниц. Если во фрагменте 1 речь шла о неудачной характеристике реального референта (город), то во фрагменте 2 реакцию автора обостряет то, что налицо возникновение «лексического фантома» (термин Б. Нормана, поддержанный Е. Шейгал [Шейгал 2004: 53]), знака без денотата, не укорененного в реальности; а это, в свою очередь, репрезентирует «фантомность как состояние политического сознания» [Там же]. Так как объем нашей статьи не позволяет в полной мере продемонстрировать весь диапазон операций, которые осуществляют публицист с фантомным вербальным знаком, обратим внимание на две наиболее характерные. Первая операция — это реактуализация закрепленного в языке реального, историко-культурного, не фантомного значения слова *Ренесанс*: *А це що за халупа, розмальована і розписана місцевими майстрами мистецтв?* Ага, сільмаг. Шкода, що зчинений. Вже років із десять. <...> Я ще біля того сільмагу подумала (Часть текстов, в том числе цитируемая статья «Великий ренесанс», написана от имени «женского альтер эго» публициста А. Бойченко — Виты Бревис. — Р. Т.): *що воно мені нагадує?* А це ж ренесансні фрески [Бойченко 2011: 102—103].

Очевидным является создание комического контраста как pragматическая цель, но хотелось бы обратить внимание еще на один момент: обращение к конкретному референту слова (исторической эпохе) с ее конкретными атрибутами (фресками) служит демонстрации фантомности слова в его политическом переносном употреблении. Такого же эффекта автор достигает, выводя фантомную лексему за пределы политического дискурса, «забрасывая» ее в повседневную коммуникативную ситуацию: *Пішла я наступного дня з експериментальною метою до бару. „Вуйки, — кажу, — ви знаєте, що ви оце зараз переживаєте великий ренесанс?“ — „Ах... — відповідають вуйки, — пережили німців, пережили совєцьку владу, Бог поможе — переживемо й ренесанс“* [Там же: 103].

В разговорно-бытовом функционировании слово не простонейтрализуется сниженным контекстом, но и, что главное, легко меняет знак оценки — и это еще один способ обнажения фантомности.

Итак, pragматически эффективным ходом является введение «наивного» субъекта, с позиции которого оценивается полити-

ческий штамп. Такой прием использован еще раз в другой публицистической колонке того же автора с целью создания иронического метатекста: *„Уряд використовує ту ситуацію, коли Президент є головним суб'єктом міжнародної діяльності, — заявляє заступник Балоги* (в то время главы Администрации Президента — Р. Т.), — *i, таким чином віддаючи тут ініціативу Президентові, не бере на себе певні ризики за оцінку тих або інших дій.* Ну геній, що ти йому заперечиш? З тим же успіхом можно было бы заявить: *„Маруся використовує ту ситуацію, коли Іван з нею не спить, і таким чином не бере на себе ризик народжувати від нього дітей“* [Там же: 130—131]. Метаязыковой прием является средством преодоления манипулятивной неопределенности политического языка, экспликации истинного смысла высказывания и демонстрации логической неправильности исходной цитаты. Позиция автора подкрепляется экспрессией и комизмом, вызываемыми контрастом сфер, к которым отсылают высказывания.

В целом неопределенность политического языка, безусловно, является фактором, способствующим нарастанию метаязыковых и метатекстуальных наслойений вокруг вербальных элементов дискурса. Показателен в этом отношении следующий фрагмент: *Багато європейських функціонерів, конфузячи правлячий режим, заявляли, що якщо пускати до ЄС Туреччину, то тоді хай і Україна, і Білорусь ідуть — яка вже різниця.* (Ці заяви в Україні часто перекладаються так: *„Єврокомісар такий-то вважає, що Україні потрібно запропонувати членство“*) [Пиркало 2007: 87]. Здесь мы имеем дело с двойным метатекстом: автор иронически воспринимает цитату, которая сама является метатекстуальной реакцией на слова европейского чиновника. Несмотря на отсутствие прямо выраженного авторского комментария, метаязыковой смысл имплицитноложен в подтексте: явное семантическое расхождение передаваемых высказываний демонстрирует всё ту же манипулятивность языка политики.

Это и можно рассматривать как один из главных выводов проведенного исследования: в проанализированной современной украинской публицистике метаязыковые средства используются для разоблачения и преодоления языковых манипуляций в политическом дискурсе. Кроме того, метаязыковые комментарии акцентируют несоответствие фрагментов политической речи стилистическим и/или коммуникативным критериям и нормам. Важным также является момент дискурсивного позиционирования: для рас-

смотренных авторов, прежде всего для А. Бойченко, метаязык служит отчуждению от субъектов политики и конструированию дискурсивного образа автора-скептика. Рефлексия публицистов не ограничивается комментариями к речи политиков, но и выходит на уровень языка в целом, затрагивает изменения (прежде всего коннотативно-стилистические) в языковой системе, порождаемые политическим дискурсом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипович Т. Потреба высокого краху. URL: <http://life.pravda.com.ua/columns/2012/08/27/110925>.
2. Бойченко О. Аби книжка. — Чернівці : Книги — XXI, 2011.
3. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. — М. : Олма-Пресс, 2005.
4. Голев Н. Д. Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы // Современная поли-

тическая лингвистика. — Екатеринбург, 2011. С. 66—69. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/golev-11.htm>.

5. Голев Н. Д. Обыденный политический дискурс: метаязыковой и металингвистический аспекты // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 30—37.

6. Лассан Э. Р. Изображение речи власти как средство ее десакрализации // Политическая лингвистика. 2005. № 16. С. 73—82. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/izobrazhenie-rechi-vlasti-kak-sredstvo-ee-desakralizatsii>.

7. Пиркало С. Кухня егоиста : есе. — Київ : Факт, 2007.

8. Шейгал Е. И. Рефлексивы в политической коммуникации // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2002. Вып. 3 : Аспекты метакоммуникативной деятельности. URL: <http://tpl1999.narod.ru/index/0-57>.

9. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М. : Гнозис, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Д. Голев